



Давид Фонкинос

# В ПОГОНЕ ЗА КРАСОТОЙ

*Новый роман знаменитого французского  
писателя, чьи книги переведены  
на сорок языков!*

**Давид Фонкинос**  
**В погоне за красотой**  
**Серия «Азбука Premium»**

*Издательский текст*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=42651925](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42651925)*

*В погоне за красотой: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2019*

*ISBN 978-5-389-16746-9*

**Аннотация**

Антуан Дюри преподает в Лионской академии изящных искусств. Его любят коллеги и студенты. Казалось бы, жизнь удалась. Но почему тогда он бросает все и устраивается смотрителем зала в парижский музей Орсэ? И почему портрет Жанны Эбютерн работы Модильяни вновь переворачивает его жизнь?

Новый роман знаменитого французского писателя, чьи книги переведены на сорок языков.

*Впервые на русском!*

# Содержание

Часть первая	5
1	5
2	6
3	12
4	16
5	25
6	30
7	32
8	36
9	41
10	45
11	49
12	51
13	54
14	61
15	63
16	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

# **Давид Фонкинос**

## **В погоне за красотой**

© И. Я. Волевич, перевод, 2019

© И. В. Дмоховская, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

# Часть первая

## 1

Парижский музей Орсэ расположен в здании бывшего железнодорожного вокзала. И прошлое властно накладывает свой отпечаток на настоящее. Бродя по музею от Мане к Моне и обратно, можно, забавы ради, представлять себе посреди картин прибытие поездов. Но в наше время путешествия стали иными. Возможно, в тот день кое-кто из посетителей приметил застывшего перед музеем Антуана Дюри. У него такой остолбенелый вид, словно он с луны свалился. Да, остолбенелый – именно так можно назвать его состояние в данный момент.

Антуан явился на собеседование с директором по персоналу задолго до назначенного времени. Уже несколько дней все его помыслы были сосредоточены на этой встрече. Он хотел работать именно здесь, в Орсэ. Наконец он размеренным шагом направился к служебному входу. В телефонном разговоре Матильда Маттель особо подчеркнула, что не следует входить через дверь для посетителей музея. Его остановил охранник:

– У вас есть бeдж?

– Нет, мне назначено...

– Кем?

– ...

– Кто вам назначил?

– Извините... у меня встреча с мадам Маттель.

– Ладно, подойдите к стойке секретаря.

Спустя несколько минут ему пришлось еще раз объяснить причину своего появления. Молодая женщина за стойкой сверилась с большим черным блокнотом.

– Вы господин Дюри?

– Да.

– Будьте добры, ваше удостоверение личности.

– ...

Ну что за нелепость: кто бы захотел выдавать себя за

него?! Он послушно предъявил ей документ, сопроводив этот жест понимающей улыбкой, чтобы скрыть замешательство. Итак, процедура собеседования уже как будто началась – сперва в диалоге с охранником, затем с этой дамой. И нужно было с первого же слова выказать себя энергичным, деловым человеком, а не мямлить: здесь явно не потерпят какого-нибудь размазню. Убедившись, что он и есть Антуан Дюри, молодая женщина указала ему на длинный коридор.

– Пройдете по нему до самого конца и там увидите лифт. Это очень просто, вы не заблудитесь, – сказала она.

«Ну, теперь-то я уж точно заблужусь», – подумал Антуан.

И верно: дойдя до середины коридора, он уже не мог вспомнить, что делать дальше. Взглянув в застекленный проем, он увидел картину Гюстава Курбе. Красота – лучшее лекарство от неуверенности. Он уже много недель боролся с самим собой, чтобы не пойти ко дну. И теперь почувствовал, как обессилел: только два этих коротеньких допроса потребовали от него неимоверного напряжения. А ведь ему пришлось всего-то сказать несколько слов, ответить на вопросы, не содержавшие никаких подвохов. Он словно вернулся к первобытному восприятию мира, временами поддаваясь совершенно необъяснимым страхам. И с каждым днем все сильнее ощущал последствия пережитого. Сможет ли он выдержать собеседование с мадам Маттель?

Стоя в лифте, который поднимал его на третий этаж, он мельком взглянул на себя в зеркало и нашел, что сильно осу-

нулся. Ничего удивительного: он теперь меньше ел, а иногда и вовсе забывал пообедать или поужинать. И желудок, оставшийся пустым, даже не протестовал. Можно было пропустить время трапезы, не услышав его урчания, словно организм находился под воздействием анестезии. Один лишь рассудок теперь бодрствовал, нашептывая ему: «Антуан, ты должен есть!» Человеческие существа делятся в пору несчастья на два лагеря – на тех, кто борется с ним телом, и тех, кто борется с ним разумом. Либо телом, либо разумом, и очень редко – одновременно.

Выйдя из лифта, он увидел женщину. Обычно Матильда Маттель ждала кандидатов у себя в кабинете, но для Антуана Дюри она решила сделать исключение. Ей не терпелось поскорее узнать причины его необычной просьбы.

– Это вы Антуан Дюри? – спросила она для вящей уверенности.

– Да. Показать вам мое удостоверение?

– Нет-нет, зачем же!

– Внизу у меня его спросили.

– Просто у нас сейчас повышены меры безопасности, ничего не поделаешь.

– Странно... Кто может замышлять покушение на директора по персоналу музея Орсэ?

– Ну, всякое бывает, – с улыбкой ответила она.

То, что могло сойти за шутку или даже за остроумие, встретило со стороны Антуана полное безразличие. Матиль-



да жестом указала ему дорогу к своему кабинету. Они прошли по длинному узкому коридору, где не встретили ни души. Шагая за ней, Антуан подумал: наверно, у этой женщины очень уж скучная жизнь, если она принимает потенциальных служащих в такое время, когда прочий персонал еще не явился в музей. Впрочем, искать хоть какую-то логику в путаных мыслях Антуана было бесполезно.

Войдя в кабинет, Матильда предложила ему чай, кофе, воду, от которых Антуан не отказался бы, но предпочел ответить: нет, спасибо; нет, спасибо; нет, спасибо. Тогда она приступила прямо к делу:

– Должна вам сказать, что ваше резюме меня чрезвычайно удивило.

– Отчего же?

– Отчего? И это вы у меня спрашиваете?! Вы преподаватель высшей школы...

– ...

– ...который пользуется такой известностью. Мне как-то довелось прочесть одну из ваших статей. И вот вы, доцент, просите принять вас на должность музейного смотрителя!

– Да.

– А вам не кажется это странным?

– Ну... в общем, нет.

– Я позволила себе навести справки в Лионской академии художеств, – призналась Матильда после паузы.

– ...

– И мне подтвердили, что вы решили уволиться. Притом неожиданно, без всяких оснований.

– ...

– Вам что, надоела преподавательская работа?

– ...

– Может быть, у вас... депрессия? Это я могу понять. Такой burn-out<sup>1</sup> встречается все чаще и чаще.

– Нет... Нет. Я просто решил прекратить... остановиться. Вот и все. Конечно, со временем я вернусь к преподаванию, но...

– Но – что?

– Послушайте, мадам: я подал заявление о приеме на эту работу и хочу знать, есть ли у меня шансы ее получить.

– А вам не кажется, что у вас слишком высокая квалификация для такой скромной должности?

– Я люблю искусство. Я его изучал. Потом я его преподавал. Да, преподавал, но теперь мне хочется просто сидеть в зале музея, среди картин.

– Это не очень-то спокойная работа. Вам будут непрерывно задавать вопросы. Кроме того, здесь, в Орсэ, всегда много туристов, и нужно быть крайне бдительным.

– Если вы сомневаетесь, возьмите меня с испытательным сроком.

---

<sup>1</sup> Синдром эмоционального выгорания, или профвыгорание, – состояние, когда человек ощущает себя истощенным морально, умственно и/или физически. (Здесь и далее прямым шрифтом даны примечания переводчиков, курсивом – авторские примечания.)

– Вообще-то, нам нужны люди: на следующей неделе мы открываем большую ретроспективу картин Модильяни. Эта выставка привлечет толпы народу. Такое важное событие...

– А вот это очень кстати.

– Почему?

– Я писал о нем диссертацию.

Матильда ничего не ответила. Антуан полагал, что это сообщение сыграет ему на руку. Однако оно, напротив, только усугубило в глазах директора по персоналу странность его просьбы. Что тут делать такому эрудиту, как этот человек? И правда ли то, что он говорит? Антуан походил на загнанного зверя: казалось, он проникся убеждением, что этот музей – единственное надежное убежище, где можно укрыться.

Меньше чем за сутки Антуан расторг все свои договоры и вернул ключи от квартиры домовладельцу. Тот возмутился: «Господин Дюри, вы были обязаны предупредить за два месяца... Вы не можете вот так просто взять и выехать, мне же придется срочно искать новых жильцов!» И продолжал громко сокрушаться по поводу своих убытков. Антуан оборвал его монолог на полуслове: «Не беспокойтесь, я вам оплачу эти два месяца». Затем вызвал фургон и загрузил в него коробки с вещами. В основном это были книги. Когда-то ему довелось прочесть статью о том, как решительно японцы порывают с привычным образом жизни. Таких называли «испарившиеся». Прекрасное слово – оно удачно камуфлировало трагизм ситуации. Чаще всего речь шла о людях, потерявших работу и, соответственно, положение в обществе, основанном на мнимых ценностях. Они считали, что лучше исчезнуть, стать бездомными бродягами, чем выдерживать сочувственные взгляды жены, родных и соседей. Но это не имело ничего общего с положением Антуана, достигшего вершины своей карьеры, заслуженного и всеми уважаемого преподавателя. Ежегодно десятки студентов стремились попасть к нему, чтобы писать диплом под его руководством. Так что же произошло? Да, конечно, случился этот разрыв с Луизой, но долгие месяцы разлуки давно уже зале-

чили его сердечную рану. И потом, такое бывает со всеми, — кто из нас не страдал от любовных горестей?! Однако это не причина, чтобы разрушать свою жизнь.

Антуан перевез все свои коробки и кое-какую мебель на лионский склад. И с одним-единственным чемоданом сел в парижский поезд. В первые дни он ночевал в дешевом при- вокзальном отеле, потом снял студию в рабочем квартале Парижа. Он не указал свое имя на почтовом ящике, не стал никуда записываться. Электричество и газ оплачивал через домовладельца. Здесь никто не мог его найти. Разумеется, родные Антуана заволновались. Чтобы успокоить их или, вернее, чтобы они оставили его в покое, он разослал им такой текст:

*Дорогие мои,*

*я глубоко огорчен тем, что доставил вам столько волнений. В последние дни я был так занят, что не мог отвечать на ваши письма. Не волнуйтесь, у меня все в порядке. Я вдруг решил отправиться в длительное путешествие. Вам известно, что я давно мечтаю написать роман, и вот я взял положенный мне академический отпуск и уезжаю. Понимаю, что должен был отметить свой отъезд каким-нибудь торжественным сборищем, но все случилось слишком быстро. Не обижайтесь, — мой проект требует полного уединения. Телефона у меня теперь нет, но я обещаю писать вам время от времени.*

Одни ответили ему восторженными письмами, другие посчитали, что он слегка свихнулся. Но, в общем-то, он был холост, не имел детей, так почему бы ему не воспользоваться шансом и не осуществить свою мечту? В конце концов, большинство друзей одобрили его намерения. Он прочел их письма, но не ответил. И только Элеонора, сестра Антуана, не поверила во всю эту историю. Она была слишком близким ему человеком и даже мысли не допускала, что он мог вот так взять и уехать, не пообедав с ней на прощанье, не поцеловав племянницу, с которой обожал играть. Нет, этот поступок выглядел очень странно. Элеонора засыпала брата паническими письмами: «Умоляю, сообщи, где ты находишься, что с тобой стряслось? Я ведь твоя сестра и всегда готова прийти тебе на помощь; пожалуйста, не исчезай, напиши о себе хоть что-нибудь!» Увы, ответа не последовало. Элеонора испробовала все, тон ее писем резко изменился: «Ты не имеешь права так поступать со мной. Это просто мерзко! Я не верю в твои рассказы о написании романа!» Эсэмэски следовали одна за другой. Антуан больше не включал свой телефон: однажды, сделав это, он увидел нескончаемый поток умоляющих посланий сестры. Ему достаточно было написать всего несколько слов, чтобы успокоить ее. Или коротко переговорить. Что же ему мешало? Он в оцепенении про-

сидел больше часа, глядя на включенный экран мобильного. И понял, что это невозможно. Его одолевало чувство, похожее на стыд. Тот стыд, который не позволяет действовать.

В конечном счете ему удалось выдавить из себя ответ: «Мне нужна короткая передышка. Я скоро сообщу о себе, но пока прошу не волноваться. Поцелуй от меня Жозефину. Твой брат Антуан». И торопливо выключил телефон, побоявшись, что Элеонора сразу ответит. Подобно преступнику, который опасается, что его засекут по звонку, он извлек из аппарата сим-карту и сунул ее в ящик стола. Теперь его никто уже не достанет. Элеонора слегка утихомирилась, прочитав послание брата. Конечно, она тут же поняла, что он лжет и что ему пришлось сделать над собой невероятное усилие для написания этих скупых, но вежливых слов. Однако беспокойство ее не утихло, она сердцем чувствовала, что Антуану плохо. Вдобавок ее крайне удивила его подпись «Твой брат Антуан». Он впервые прибег к этой формулировке, словно хотел подчеркнуть их родственную связь и убедить в ней себя самого. Элеонора не знала, что он переживает, почему так ведет себя, но знала другое: она не бросит брата в беде. Письмо ее не утешило, но укрепило решимость как можно скорее разыскать Антуана. Разумеется, это потребует много времени и усилий, но она была уверена, что добьется своего, пусть и самым неожиданным способом.

Выйдя из квартиры, Антуан столкнулся с соседом по площадке, человеком неопределенного возраста, от сорока до шестидесяти. Тот внимательно посмотрел на него и спросил: «Вы новый жилец? Вместо Тибо?» Антуан буркнул «да» и добавил, что очень спешит, стремясь избежать следующих вопросов. Ну почему людям обязательно хочется знать, кто мы и что мы, чем занимаемся, с какой стати живем именно здесь, а не в другом месте?! Сбежав из Лиона, Антуан очень скоро убедился, что это не избавляет человека от жизни в обществе и, как бы он ни жаждал одиночества, ему не удастся проскользнуть «между людскими струйками».

Но на этой работе его хотя бы не заметят. Музейный смотритель подобен невидимке: мимо него проходят, не обращая внимания, устремив взгляд на ближайшую картину. Эта необыкновенная профессия позволяет оставаться одиноким в гуще толпы. В конце собеседования Матильда Маттель объявила Антуану, что он может приступить к работе со следующего понедельника. И добавила, провожая его до двери своего кабинета: «Я так и не поняла причину вашего решения, но считаю, что нам очень повезло – иметь в стенах музея такого специалиста». Она сказала это теплым, сердечным тоном. Для Антуана, отрезанного от остального мира, она стала единственным человеком, с которым он по-насто-



ящему поговорил за прошедшую неделю. Имя этой женщины неожиданно обрело для него невероятную значимость. В последующие дни он то и дело вспоминал о ней, – так человек, оказавшийся в темноте, сосредотачивает взгляд на какой-нибудь светящейся точке. Интересно, замужем ли она? Есть ли у нее дети? Каким образом она стала начальником отдела кадров музея Орсэ? Любит ли она фильмы Пазолини, книги Гоголя, «Экспромты» Шуберта? Проникшись интересом к этой женщине, Антуан поневоле признал, что еще не совсем умер. Любопытство – вот что разделяет мир живых и мир теней.

И вот он сидит на стуле, в своей неброской форме. Ему выделили место в одном из залов, отведенных для экспозиции Модильяни, как раз напротив портрета Жанны Эбютерн. Какое странное совпадение: уж он-то досконально знал жизнь этой женщины, ее трагическую судьбу. Однако в первый день посетителей было так много, что ему не удавалось спокойно разглядывать картину. Публика валом валила на эту выставку. Интересно, как отнесся бы к этому сам Модильяни? Антуана всегда волновала тема успешной жизни – ставшей успешной после смерти художника. Слава, признание, деньги – все это теперь пришло к Модильяни, но, увы, слишком поздно; люди воздают почести кучке костей. Эти запоздалые восторги выглядят почти извращением, если вспомнить, сколько страданий и унижений выпало на до-

лю Модильяни при жизни. Кто из нас захотел бы пережить самую прекрасную историю своей любви *post mortem*?<sup>2</sup> А Жанна... эта несчастная Жанна? Могла ли она вообразить, что публика будет осаждать музей, желая полюбоваться ее лицом, навсегда заключенным в раму? Впрочем, какое там полюбоваться – скорее, мельком увидеть из-за чужих спин. Антуан искренне не понимал, как можно получать удовольствие от искусства в этой толчее. О, конечно, хоть так, да приобщиться к красоте – это тоже удача, но в чем смысл созерцания картин в таких условиях, под шумные, надоедливые комментарии других зрителей? Антуан пытался прислушаться к тому, что говорилось в толпе. Там звучали восторженные отзывы мужчин и женщин, впервые открывших для себя полотна Модильяни, но были и другие – прискорбно пошлые. Со своего места он мог оценить все многообразие человеческого сообщества. Некоторые посетители не говорили: «Я посетил музей Орсэ», они бросали: «Я прошвырнулся по Орсэ», выражая этим глаголом некую социальную обязанность, – так обычно говорят: «Я прошвырнулся по магазинам». Словно накупили товаров по списку. Такие туристы не стесняются употреблять подобные слова, даже говоря о странах: «Прошлым летом я прошвырнулся по Японии»... Вот так: страны уже не посещают, по ним теперь модно «прошвырнуться». Представьте себе: вы съездили в Краков, а заодно «прошвырнулись» по Освенциму.

---

<sup>2</sup> После смерти (лат.).

Да, Антуана, конечно, одолевали скорбные мысли, но теперь он, по крайней мере, размышлял, и это избавляло его от летаргии, в которой он пребывал с некоторых пор. Благодаря нескончаемому потоку посетителей он избавлялся от самого себя. И часы бежали теперь с сумасшедшей скоростью, в отличие от последних дней, когда каждая минута тянулась как вечность. Учась в Академии, а затем и преподавая в ней, он проводил жизнь в музеях. Ему помнилось, как он целыми днями бродил по залам того же Орсэ. Мог ли он тогда вообразить, что вернется сюда, через много лет, в качестве музейного смотрителя?! Эта должность совсем под иным углом открывала ему музейную атмосферу. Нынешняя скитальческая жизнь, несомненно, позволит ему обогатить свое восприятие мира искусства. Но так ли это важно теперь? Разве он намерен когда-нибудь вернуться в Лион, к прежней жизни? Нет, маловероятно.

Так он сидел, погруженный в свои экзистенциальные метания, как вдруг к нему подошел другой служитель, по имени Ален, надзиравший за противоположной частью зала. Оттуда он то и дело дружески махал Антуану, который в ответ выдавливал из себя скупую улыбку. Видимо, здесь было принято поддерживать новых коллег.

- Ну и денек, с ума сойти! – присвистнув, воскликнул он.
- Да...
- Слава богу, у меня перерыв.
- ...

– Послушай, что я тебе скажу. Утречком я пришел и подумал: вряд ли сегодня будет много народу. Я про него и знать не знал, про этого Модильяни. Но теперь честно признаю: этот парень молодец, снимаю шляпу!

– ...

– Как насчет того, чтобы выпить по кружечке пивка после смены? Сегодня нам крепко досталось, это нас взбодрит.

– ...

Вот он – образец социальной западни. Отказ грозил тем, что Антуана осудят за высокомерие, возьмут на заметку, начнут сплетничать. А он стремился любой ценой избегать интереса окружающих. Как ни парадоксально, но заставить других забыть о себе можно лишь одним способом, пусть и мучительным, – смешавшись с ними. Оставалась лишь одна лазейка – уклониться под предлогом какой-нибудь срочной встречи или приезда родственников. Но это требовало быстрой реакции, врожденного умения изобретать отговорки. Иными словами, того, что Антуан теперь утратил напроць. И чем больше он медлил, тем труднее было отклонить предложение. Как ему ни хотелось вернуться домой, он в конце концов промямлил: «Да... хорошая мысль...»

Два часа спустя они оба сидели у стойки бара, и Антуанпил в компании совершенно незнакомого человека. Все казалось ему неестественным, даже вкус пива, щипавшего гор-

ло<sup>3</sup>. Новый приятель говорил не умолкая, что в данной ситуации вполне устраивало Антуана: ему не приходилось поддерживать беседу. Он просто разглядывал лицо Алена, и это помогало не вникать в смысл его рассуждений. Некоторым людям трудно одновременно смотреть и слушать, – Антуан принадлежал именно к этой категории. Алел отличался могучим сложением, как будто его вытесали из гранитной глыбы. Однако, несмотря на грозный вид, все его движения были не резкими, не порывистыми, а, скорее, почти деликатными. Чувствовалось, что он старается выглядеть «благороднее», но ему не хватало того, что люди обычно называют обаянием. Его лицо, отнюдь не безобразное, все же напоминало роман, который не очень-то хочется читать.

– А ты не похож на других, – неожиданно объявил он.

– Вот как? – откликнулся Антуан, слегка обеспокоенный тем, что его можно выделить из общей массы.

– Вид у тебя такой... отсутствующий. Будто мыслями ты где-то за тридевять земель.

– ...

– Я на тебя часто поглядывал сегодня там, в зале, и заметил, что ты не сразу реагировал на мои знаки.

– Ах, так...

– Ты, небось, из этих – из мечтателей, вот и все. Заметь, у нас к зрителям особых требований не предъявляют, и это неплохо. Тут набирают всех подряд – студентов художе-

---

<sup>3</sup> Словно это был неизвестный напиток, самозванец с пивной этикеткой.

ственных школ, живописцев и даже обыкновенных служащих, которым плевать на искусство. Сиди себе на стуле да наблюдай, вот и все дела. Я тоже из таких. Раньше я работал ночным сторожем в гараже. И под конец уже видеть не мог эти тачки – как они снуют взад-назад! Ну а картины – дело другое: висят себе и кушать не просят.

– ...

И Ален завел длинный монолог, один из тех монологов, что могут длиться бесконечно. Чувствовалось, что ему нужно выговориться после целого дня, проведенного в молчании, у дверей зала. Он начал рассказывать о своей жене – не то Одетте, не то Анриетте, – Антуан не успел запомнить ее имя в потоке слов. С тех пор как Ален стал работать в Орсэ, он почувствовал, что супруга больше уважает его. Это его несказанно радовало. И он заключил: «В конечном счете человек все время добивается уважения той, кого любит...» И в его голосе неожиданно прозвучала легкая меланхолия. Возможно, в недрах этого грубого тела таилась поэтическая душа. Но тут Антуан, внезапно охваченный каким-то параноидальным подозрением, перестал его слушать. Почему этот человек весь день следил за ним и подавал знаки? Чего добивался? Может, он обратил на него внимание не случайно? Может, что-то замыслил против него? Антуан подумал: а вдруг ему поручили меня разыскать? Хотя... нет, вряд ли, что за бредовая мысль! Ведь Ален поступил на работу в Орсэ раньше, чем он. Так что это предположение не выдерживает

критики. И все же... ведь зачем-то он уговорил его выпить с ним. Антуан совсем растерялся. Теперь ему внушало подозрение абсолютно все, вплоть до самых невинных мелочей.

Ему хотелось встать и уйти, прямо сейчас, оборвав разговор. Но это было невозможно: его удерживало все то же абсурдное убеждение, что нужно притворяться общительным, дабы не навлечь на себя подозрения. Борясь с неудержимым страхом, он пытался почаще улыбаться, но эти улыбки не попадая противоречили словам Алена. И тот в конечном счете раскусил Антуана:

— Извини, я тебе надоел своими историями. А ты, я вижу, меня и не слушаешь.

— Нет-нет... ты мне совсем не надоел.

— Да ладно... А хочешь, я тебе расскажу совсем уж умо-  
рительную хохму?

— ...

— Знаешь, что однажды спросил один зритель в Лувре у другого?

— Нет.

— Где тут у нас «Джоконда» Леонардо Ди Каприо?

— ...

— «Джоконда»... Ди Каприо, представляешь? Ну есть же на свете идиоты! Смешно, верно?

— Да... — мрачно подтвердил Антуан.

Вскоре они расстались. Вернувшись к себе, Антуан с ужа-

сом подумал: как бы эта короткая выпивка не вошла в привычку! Он согласился пойти в бар, чтобы не выделяться, а теперь конца этому не будет. Ален вполне способен пригласить его к себе на обед, чтобы похвастаться женой. А потом неизбежно последуют вопросы, много вопросов о его собственной жизни. Он угодил в коварную западню. Необходимо срочно придумать какую-нибудь отговорку – тяжелую болезнь или, лучше, умирающего родственника, словом, все, что угодно, лишь бы это звучало убедительно. Импровизация тут не пройдет, нельзя сторониться людей без веской причины.



На следующий день Антуан явился на работу раньше времени. Ему пришлось постоять у пропускного турникета до прихода охранников. Попасть в музей так же сложно, как в самолет. Он выложил свои ключи в пластиковый контейнер, прошел в воротца металлоискателя, не вызвав звонка. И уже облегченно вздохнул, как вдруг охранник спросил:

– А ваш мобильник, он-то где?

– У меня его нет.

Охранник с подозрением оглядел Антуана. Как такое возможно, чтоб у человека не было мобильного? Станный народ эти смотрители – живут прошлым и знать не знают, что мир-то идет вперед! Он тут же поделился этой мыслью с другим охранником, и тот заключил: «Ничуть не удивляюсь, какой-то он блаженный, этот тип, – кто будет звонить такому?» И оба от души рассмеялись: да, вот уж диковина так диковина – человек, не желающий общаться с другими!

Антуан решил отныне брать с собой на работу мобильник, пусть и выключенный. Так оно будет лучше, если он не хочет привлекать к себе внимание. Он уже начал осваивать искусство мимикрии. Войдя в свой зал, Антуан увидел, что там никого нет. Слава богу, короткая отсрочка перед людским нашествием! Он направился к портрету Жанны Эбютерн. Какая дивная привилегия – очутиться наедине с ше-

девром живописи! В экстазе он прошептал несколько слов. И не услышал, как подошла Матильда Маттель. До этого она несколько мгновений стояла в дверях, разглядывая смотря-теля, застывшего перед портретом, словно тот заразил его своей неподвижностью. Потом наконец мягко спросила:

– Разговариваете с портретом?

– Нет... вовсе нет... – пролепетал он, обернувшись.

– О, до начала работы вы можете делать все, что хотите, – с улыбкой сказала она. – Это меня не касается.

– ...

– Я хотела узнать, как прошел ваш первый рабочий день.

– Мне кажется, прекрасно.

– Эта неделя обещает быть очень напряженной, потом будет спокойнее. Вчера мы поставили рекорд посещаемости. Вы принесли нам удачу.

– ...

– С вами не так-то легко разговаривать, вы все время молчите.

– Прошу прощения... Я просто не знаю, что сказать.

– Ну ладно, желаю вам хорошего дня.

– Благодарю. И вам того же, – ответил Антуан, но Матильда уже отошла от него. Она ходила быстро, а ему требовалось слишком много времени, чтобы отреагировать.

Эта женщина была не так уж не права: Антуану следовало вести себя активнее. Она относилась к нему доброжелатель-

но, – вот, например, пришла справиться у него, как дела, а он стоял столбом, не в силах собраться с мыслями. Да, ему казалось, что он неспособен реагировать быстрее. Он сейчас переживал то, что именуется *социальной реабилитацией*. Период реабилитации следует, например, за вывихом или переломом ноги, только в данном случае речь шла о переломе в сознании. Когда с ним заговаривали, он не мог ответить сразу, ему требовалось время, чтобы в голове начали возникать слова – неуверенные, неловкие, путанные – и чтобы они сложились во фразы, еле слышные, а то и вовсе беззвучные. Он, который прежде мог часами говорить перед своими студентами, теперь словно заново учился произносить слова. Он, который привык стоять перед полной аудиторией, жадно впитывающей его лекции, теперь безуспешно пытался преодолеть это страшное препятствие – немоту. Антуан не знал, сможет ли он когда-нибудь объяснить своим близким, что он испытывает. Сколько времени ему понадобится на выздоровление? Ибо это было особое время, оно не зависело ни от его желания, ни от его воли. Отныне царством его эмоций и длительностью его страданий повелевало только тело.

Второй рабочий день прошел точно так же, как первый. Антуану надлежало главным образом следить, чтобы посетители не подходили к картинам слишком близко. В одном из американских музеев был такой случай: ученик лицея нечаянно облил кока-колой ценное полотно и это стоило страхо-

вой компании многомиллионной компенсации. Во избежание таких происшествий зрителям следовало проявлять бдительность. Большинство туристов к ним не обращались, разве что спрашивали, где туалет. Десятки раз, даже не дожидаясь, когда прозвучит этот вопрос, Антуан указывал дорогу: «Туалеты расположены у главного входа в музей». Эту фразу он часто произносил по-английски, – наверное, скоро ему придется освоить ее на многих других языках, если он хочет стать образцовым служащим. Тем, кто пережил хотя бы легкую депрессию, знакомо это состояние одержимой сосредоточенности на определенной, конкретной задаче. Можно врачевать психическую травму каким-нибудь повторяющимся механическим движением, словно сам этот простой факт действия, пусть даже нелепого, позволяет человеку вернуться в общество *полезных* людей.

Антуан решил, не спрашивая позволения, слегка передвинуть свой стул так, чтобы можно было свободно любоваться портретом Жанны Эбютерн. Таким образом, несмотря на толпы посетителей, ему удавалось целыми часами созерцать ее лицо. Он любил неслышно беседовать с ней; между ними словно соткалась некая мистическая связь. По ночам Жанна иногда возникала в его снах, словно и ей хотелось в свой черед рассмотреть его. В каком-то смысле они говорили друг с другом взглядами. Антуан спрашивал, не слишком ли это грустно – жить заключенной в раму? Ведь вот верят же некоторые в реинкарнацию или в метемпсихоз; так почему бы

и этому портрету не таить в себе флюиды изображенной на нем женщины? Ему чудилось, будто какая-то часть живой Жанны и впрямь переселилась на полотно.

Искусствоведы много писали о ее красоте, об этом лице, которое потрясло Модильяни. Художник, привыкший писать хорошеньких, часто нагих девушек, был очарован его своеобразной прелестью. И она стала его музой, женщиной его жизни, той, кого он никогда не писал обнаженной. В грациозной, воздушной фигуре Жанны было что-то лебединое, в мягком взгляде таилась неуловимая печаль. С каждым днем этот волшебный портрет все сильнее притягивал Антуана. Жанна заставляла его забывать о ходе времени. Он продолжал разговаривать с ней, точно с родственной душой. Это успокаивало, утешало его. Каждый из нас ищет свой собственный путь к исцелению. Можно ли излечиться, доверяясь картине? В наши дни часто говорят об арт-терапии, о занятии творчеством, позволяющем выразить свои душевные муки, разобраться в себе через интуитивные поиски вдохновения. Но в данном случае дело обстояло совсем иначе. Созерцание красоты помогало Антуану забыть об уродстве окружающего мира. И так было всегда. Стоило ему почувствовать недомогание, как он шел в музей – побродить по залам. Волшебная сила искусства служила ему самым надежным средством от собственной уязвимости.

# 6

По-английски:

*Toilets are located at the main entrance.*

\* \* \*

По-немецки:

*Die Toiletten sind am Haupteingang.*

\* \* \*

По-испански:

*Los bacos se encuentran en la entrada principal.*

\* \* \*

По-китайски:

#####

\* \* \*

По-японски:

#####

\* \* \*

По-русски:

*Туалеты расположены у главного входа.*

\* \* \*

По-итальянски:

*Il bagno si trova presso l'ingresso principale.*

\* \* \*

По-арабски:

الرئيسي المدخل من بالقرب مرحاض يوجد

А несколько дней спустя произошло событие, слегка изменившее ход вещей. Один из гидов, довольно высокий и стройный парень, которого звали, судя по беджу, Фабьен, рассказывал посетителям о жизни Модильяни. Антуан уже не впервые видел этого молодца; его рассказ не отличался глубиной анализа, но в общем он делал свою работу с положенным профессиональным усердием. Обычно он сопровождал небольшие, человек по десять, группы, состоявшие в основном из пожилых дам, членов общества «Друзья музея». Вероятно, их абонемент давал право на осмотр выставки в сопровождении гида, и, судя по всему, дамы были счастливы, что заполучили именно Фабьена; они заранее восхищались его экскурсией по той простой причине, что он молод и привлекателен.

Антуан уже имел случай убедиться в говорливости Фабьена и считал его типичным представителем племени студентов художественных школ, которые подрабатывали, водя экскурсии. На самом деле Антуан заблуждался: Фабьену уже перевалило за тридцать, он был наделен всеми качествами профессионального, знающего гида. И это занятие являлось для него вовсе не побочным, студенческим приработком. Антуан все чаще ошибался в оценках встреченных им мужчин и женщин. А ему стоило сосредоточиться на фак-



тах: сейчас гид излагал биографию Модильяни. Он чересчур долго повествовал о детстве художника, омраченном болезнью, зато всего в нескольких коротких фразах упомянул о его довольно-таки сложных отношениях с Пикассо. Рассказ о женщинах Модильяни оказался более подробным, словно Фабьену доставляло удовольствие ставить себя на его место, воображать, как он пишет обнаженные девичьи тела. Затем он перешел к агонии художника. В этот ранний час в музее было довольно мало посетителей, и Антуан мог не так бдительно следить за своей половиной зала, поэтому он внимательно слушал:

«Ему сделали укол, чтобы снять боль, но через несколько часов он скончался. Эта смерть буквально потрясла сообщество художников. На похоронах Модильяни присутствовало более тысячи человек».

– Ну надо же! – заметила одна из старушек с легкой завистью в голосе.

«А потом все, конечно, обсуждали еще одну трагедию: Жанна Эбютерн, узнав о смерти мужа, покончила с собой. Она выбросилась из окна, с шестого этажа, будучи беременной их вторым ребенком...»

– О-о-о, какой ужас!.. – запричитали дамы жалобным хором.

Антуан встал и подошел к их группе, но тут остановился и замер. Посетительницы недоуменно поглядывали на него. Наконец он решился заговорить:

– Прошу прощения, что вмешиваюсь... но на самом деле Жанна, узнав о смерти Модильяни, покончила с собой не сразу. Она погибла днем позже, после того как сделала нечто замечательное...

– Вот как? Что же она сделала? – спросила одна из дам.

– Она помолилась у его гроба, потом отрезала у себя прядь волос и положила ему на грудь...

– О, как трогательно! – восхищенно сказала дама, представив себе этот последний знак любви.

Фабьен, стоявший рядом, был глубоко шокирован неожиданным вторжением какого-то музейного зрителя в свое заповедное царство. И хотя многие его слушательницы сочли *очаровательным* тот факт, что простой зритель обладает такими познаниями, сам Фабьен расценил его выходку как посягательство на свои права гида. Испепелив Антуана взглядом, он сквозь зубы поблагодарил его за «ценный вклад» и увел свою группу в следующий зал.

Антуан вернулся на свое место и вскоре забыл об этом инциденте. Его вдохновил какой-то неосознанный порыв, скрытая сила, которая иногда толкает людей на поступки, совершенно им не свойственные. Каким образом он, запуганный изгой общества, выступил перед группой посетителей с такой непринужденной легкостью?! Однако его эскапада стала всего лишь коротким отклонением от взятой линии. Антуан снова вернулся к своей нынешней жалкой ипостаси, и этот рабочий день прошел точно так же, как все предыду-

щие. Ален, сидевший в другом конце зала, временами бросал на него какие-то странные взгляды – наверно, осуждал его поведение. Однако дело обстояло иначе: Одетта (или Анриетта?) решила бросить мужа. Два дня назад она холодно объявила ему, перед тем как лечь спать: «Ален, мне нужно с тобой поговорить». Вообще-то, когда один из супругов предупреждает другого, что нужно «поговорить», это уже недобрый знак. Но Ален не сразу заподозрил опасность: он знал склонность жены анализировать все на свете – она была мастерицей рассуждать на любые темы – и давно уже понял, что в такие минуты лучше все бросить и слушать. Однако на сей раз ее взгляд был совсем уж чужим. Еще до того как она заговорила, он уловил в ее глазах, в глубине ее зрачков, угрозу их счастью и, наконец, услышал самое страшное. Жена объявила Алену, что у нее связь с неким Бертраном Девассером, совладельцем того самого гаража, где он работал до музея. Она собиралась уехать с любовником в Дижон, где ему предложили выгодную работу. У Алена отнялся язык, он даже не смог ответить и молча покорился неизбежному. Никогда и никому он не расскажет об этой катастрофе и отныне будет носить горе в себе.

В конце дня Антуана вызвали к Матильде Маттель. Неужели он в чем-то провинился? Уж не пришло ли какое-нибудь сообщение из Лионской академии? Он шагал по бесконечно длинному коридору, чувствуя, как на его висках выступают капли пота. На самом деле никакой испарины не было, а было только ощущение, казавшееся невероятно реальным.

Наконец он подошел к кабинету, робко стукнул в дверь. Матильда впустила его. Сейчас она говорила гораздо более холодным тоном, чем прежде.

– Садитесь.

– ...

– Я буду с вами откровенна. Господин Фрасье требует вашего увольнения.

– А кто это такой?

– Один из наших гидов, Фабьен Фрасье. Тот, кто работает с «Друзьями музея Орсэ». Он доложил мне, что вы сегодня прервали его во время экскурсии. И тем самым унизили перед слушателями.

– ...

– Это правда?

– Но... вовсе нет...

– Так вы вмешались в его рассказ, да или нет?

– Да. Но всего лишь на минутку. Чтобы уточнить один хронологический момент...

– Но вы же могли это сделать потом, наедине, а не перед всей группой.

– Я... я не подумал, что это его так обидит.

– Вы не подумали, что это его так обидит, – повторила Матильда, повысив голос. – Просто поверить не могу! Представьте себе, что вы читаете лекцию в аудитории и вдруг кто-нибудь входит и прерывает вас, чтобы объяснить слушателям какую-то подробность, о которой вы забыли... Вам это было бы приятно?

– Нет... вы правы, – признал Антуан.

– Ну так вот, Фабьен оскорблен до глубины души. Ситуация сложная. Он больше не желает вас видеть. А его высоко ценят все наши группы, и это существенно. Он пожаловался на вас в дирекцию, и его, разумеется, все поддержали. Я в большом затруднении... ведь это я приняла вас на работу...

...

– А значит, тут есть и моя вина. Мне не следовало принимать в музей человека, написавшего диссертацию о Модильяни.

– Я очень сожалею. Я хотел бы извиниться перед ним.

– Вообще-то, это следует сделать в любом случае. Посмотрим, – может быть, тогда он смягчится. Но я вам ничего не гарантирую.

– ...

При виде убитого лица Антуана Матильда, разжалобившись, добавила:

– Да, вы... вы действительно странный человек...

Антуан был потрясен собственной бестактностью. Матильда права: сам он ни за что не простил бы такого оскорбления. Теперь он прекрасно понимал причину реакции гида. А что он будет делать, если его не оставят в музее? Подыщет себе другую работу? Но ведь и там повторится та же история: у него опять начнут выпрашивать, почему он бросил Лионскую академию. А он больше не хотел оправдываться. Наверно, зря он нашел себе работу в области, столь близкой к его профессии. Нужно было наняться официантом в кафе или ночным портье в отель. Пока он перебирал про себя все эти соображения, Матильда молча смотрела на него. Долго ли он еще намерен сидеть здесь, не говоря ни слова? С тех пор как она начала работать в Орсэ, ей приходилось иметь дело с самыми что ни на есть разными и оригинальными категориями людей, но Антуан не укладывался ни в одну из них. Все его поведение было совершенно непредсказуемым.

В глубине души Матильда забавлялась этой ситуацией: музейный смотритель, который вмешивается в рассказ гида, – это просто смеху подобно. Честно говоря, такая нелепая выходка не заслуживала увольнения. Она решила заступиться перед Фабьеном за этого смотрителя-эрудита, с его импульсивным характером. Была ли это нормальная реакция специалиста по персоналу на профессиональный конфликт?

Скорее всего, нет. Просто Матильде не хотелось, чтобы Антуан ушел из музея. Ей imponировало его своеобразие, она обожала смотреть, как он беседует по утрам с картинами. С самой первой их встречи она пребывала в каком-то непонятном смятении. А ведь она уже давно не испытывала никаких сентиментальных чувств. Мужчины – что элегантные, что интеллигентные – оставляли ее совершенно равнодушной. Матильда убедила себя, что ее *тяга к представителям другого пола* умерла навсегда. И теперь не понимала, что с ней творится. Она считала Антуана непредсказуемым, но в этом его свойстве таилась мягкость, а не грубость или жестокость, хотя из-за этого было сложно понять, как он поступит через минуту. И ведь это только начало.

Они вместе вышли из кабинета. Коридор, ведущий к лифту, теперь, на обратном пути, показался Антуану гораздо более коротким. Музей был уже закрыт, и, кроме ночных охранников, они никого не встретили. Вместо того чтобы направиться к выходу, Матильда повела Антуана в один из залов. Она хотела что-то ему показать. Они миновали широкий застекленный проем. Из него открывалась волшебная панорама вечернего города. В темноте виднелись огни вдоль Сены, гирлянды лампочек на речных парходиках, а вдали, за площадью Согласия, иллюминация на большом колесе обозрения. Антуану почудилось, что он только сейчас впервые по-настоящему увидел Париж с тех пор, как поселился здесь.

Войдя в тускло освещенный зал, Матильда остановилась перед фотопортретом девушки:

– Мне тоже случается разговаривать с произведениями искусства. Иногда я прихожу сюда по вечерам... чтобы навесить «Мод». Так ее зовут, а больше я ничего не знаю о ней.

– ...

Антуан подошел к портрету; лицо девушки тонуло в цветах. Он прочел имя женщины-фотографа, оно было ему неизвестно: Джулия Маргарет Камерон (1815–1879)<sup>4</sup>. Матильда добавила:

– Я придумываю ей биографию. Пытаюсь представить себе, как она выглядела в жизни. На самом деле я уверена, что фотография нужна именно для этого. Вроде бы реальное изображение, но, глядя на него, можно нафантазировать все, что угодно.

Антуан нашел ее мысль замечательной. Этот интимный разговор, после неприятного объяснения в кабинете, казался ему чудом. По прошествии нескольких минут они покинули юную незнакомку в ее раме. Уходя, Антуан бросил на девушку прощальный взгляд, но различил только отблеск томной усталости на ее лице.

---

<sup>4</sup> *Джулия Маргарет Камерон* – английская основоположница жанра фотопортрета. В числе ее моделей были многие знаменитые люди того времени – Теннисон, Карлейль, Броунинг, Дарвин, Лонгфелло и др.



Выйдя из музея, они молча постояли на площадке у дверей. Наконец Матильда предложила:

– Я сегодня иду на вернисаж. Не хотите ли со мной?

– Я не могу. У меня тяжело больна мать, – машинально солгал Антуан.

– О, простите, я не знала. Сочувствую вам.

– ...

Антуан загодя приготовил эту отговорку на тот случай, если Ален снова предложит ему выпить вместе. Ален... или кто-нибудь другой. Очень удобный предлог для отказа, вполне убедительный. Он пошел было прочь, но уже через несколько шагов пожалел, что отклонил приглашение. Эта женщина успокаивала его смятенную душу. Повернув назад, он догнал ее:

– Извините меня. Я все-таки пойду с вами.

– А как же ваша мать?

– Она не больна. Она хорошо себя чувствует. Даже прекрасно.

– Да-а-а... вас трудно понять...

– О, это просто уловка, – видите ли, меня все время куда-нибудь приглашают. Люди стремятся завязывать знакомства... и говорят, говорят без конца... а человеку, знаете ли, иногда хочется побыть одному...

Антуан слегка запутался в объяснениях, голос его утратил четкость, и теперь Матильда не могла разобрать, что он там бормочет. Но подумала: какое это имеет значение, понятны его слова или нет. Она была счастлива, что он согласился пойти с ней.

И вот они очутились в одной из парижских галерей, где увидели серию удивительных полотен. Художник скопировал самые известные картины великих мастеров, убрав человеческие фигуры. Так, например, одна из них представляла собой зеленовато-коричневый пейзаж под названием «Джоконда без Джоконды». На другой фигурировал американский бар, но пустой, без посетителей, это была знаменитая картина Хоппера<sup>5</sup>. Самое сильное впечатление производил красочный вихрь, подразумевавший «Крик» Мунка, но без его вопящего призрака. Автор – Ив Камото<sup>6</sup> – гордо расхаживал по трем залам галереи, разъясняя публике свой замысел: «вызволить персонажей из их тесных рам». Чувствовалось, что он на вершине блаженства: вернисаж для живописца – поистине звездный час его жизни. Однако же как часто это торжество оборачивается пирровой победой: художника из вежливости осыпают градом пустых похвал, которые, в силу

---

<sup>5</sup> Имеется в виду картина американского художника Эдварда Хоппера (1882–1967) «Полуночники».

<sup>6</sup> На самом деле его звали Ив Камуш; он решил «японизировать» свое имя в коммерческих целях.

своей неискренности, утрачивают смысл и значение. Бывает, он тяжело работает долгие годы, чтобы удостоиться в конце концов такого вечера жалкого самоудовлетворения.

Матильда дружила с Агатой, сестрой и пылкой поклонницей Ива, которая отсутствовала здесь в этот знаменательный день. Она отправилась в полугодовое кругосветное путешествие, придя в отчаяние оттого, что в ее жизни нет ни работы, ни мужчины. Возможно, Агата надеялась подыскать то или другое где-нибудь в Китае или в Чили. Однако она слишком быстро растратила свое выходное пособие, и не исключалось, что этот вояж придется сократить. Временами подруги говорили по скайпу, делясь повседневными новостями и стараясь, насколько возможно, приукрасить их: сидя перед экраном, труднее признаться, что дела не очень-то хороши. Тем не менее Агата несколько раз настойчиво повторила: «Ты обязательно должна сходить на вернисаж моего брата; он жутко обиделся, что я уехала как раз в это время, а ты хоть как-то меня заменишь». Таким образом, на этой выставке Матильда отчасти представляла Агату.

Зато Антуан был полностью Антуаном, иными словами, все время спрашивал себя, что он здесь делает. Какое безумие – принять это приглашение! И очутиться в толпе, которая через призму его внутреннего смятения казалась враждебной. За прошедшие годы Антуан посетил множество вернисажей, перезнакомился с большинством лионских живописцев, но смотреть на все, что здесь творилось, было невы-

носимо. И он потихоньку ретировался. Его побег не ускользнул от внимания Камото, который заключил, что этому типу не понравились его шедевры. Выйдя на улицу, Антуан уже решил ехать домой, но задумался: прилично ли вот так сбегать, даже не попрощавшись с Матильдой? Он должен ей объяснить, что одно дело – принять приглашение и совсем другое – видеть, как оно претворяется в действительность; это было уже выше его сил. И тут его догнала Матильда.

– Что с вами? Вам нехорошо?

– Нет, все в порядке. Мне просто захотелось проветриться.

– Вам не понравилось? – спросила она.

– Нет... нет... не в этом дело...

– Хотите, пойдем еще куда-нибудь? Я знаю тут рядом одно кафе.

– Да, хорошо. Пойдемте туда.

И они улизнули, словно парочка похитителей красоты.

Кафе, предложенное Матильдой, оказалось довольно жалким; единственным его достоинством была близость к галерее – буквально в нескольких метрах. Матильда сразу почувствовала, что не стоит идти слишком далеко, иначе Антуан может передумать. Приходилось каждую минуту развеивать одолевающие его сомнения. Они вошли и уселись в дальнем, спокойном уголке – чисто инстинктивно, ибо заведение пустовало. Полная аналогия с творчеством Камото: казалось, отсюда тоже убрали всех персонажей – завсегдатаев бара.

Подошел официант. Они решили заказать красное вино. И это опять же было внове Антуану. В его душевных метаниях не случалось таких моментов отчаяния, когда кажется, будто спасти вас может один лишь алкоголь. До сих пор его болезненное состояние не требовало утешения в вине. Зато Матильде не терпелось выпить – вино помогало достичь состояния того легкого хмеля, которое позволяет расслабиться. Ситуация была тягостной для них обоих – они ведь едва знали друг друга. В таких случаях всегда легче стоять, чем сидеть лицом к лицу с незнакомцем. Бродя по галерее и шагая по улице, они чувствовали себя более непринужденно. Но теперь, когда они остались наедине, это начало походить на свидание – реальное, исполненное какого-то особого значения. Матильда, которая выглядела такой решительной

в Орсе, сейчас невольно поддавалась сомнениям. В каком-то смысле она заразилась от Антуана неуверенностью в себе.

Нужно сказать, что Матильде нечасто удавалось выходить из дома по вечерам. Как правило, она проводила свободное время с детьми. Бывший муж брал их к себе на выходные всего два раза в месяц, а *baby-sitter* она приглашала довольно редко. По счастливой случайности Антуан вмешался в рассказ гида именно в тот день, когда Матильда собиралась пойти на вернисаж. Стало быть, случай привнес свою долю ответственности за их встречу. Но на этом его роль и кончилась. Теперь нужно было сообразовываться с реальностью – иными словами, вести беседу. И Матильда наконец спросила:

– Вы имеете какое-то отношение к актеру Ромену Дюри?

– Это мой кузен.

– Вот как! Он мне очень нравится. Передайте ему при встрече мои слова. Хотя... это звучит так банально...

– Вообще-то... он мне никакой не кузен. Это я сболтнул просто так, извините...

– Но зачем?

– Меня часто о нем спрашивают. А я почти ничего не знаю. И вообще редко хожу в кино. Но иногда говорю, что он мой кузен или даже родной брат. И сразу приобретаю какую-то нелепую значимость в глазах людей. Мне всегда казалось это странным.

– Вы и меня сочли нелепой?

– Нет, вовсе нет. Я был бы счастлив стать его кузеном, лишь бы доставить вам удовольствие.

– Спасибо.

– Ну а вы... Маттель?

– Не поняла...

– Вы имеете какое-то отношение к игрушкам?<sup>7</sup>

Матильда ответила неопределенной улыбкой: она не знала, серьезно или с иронией говорит Антуан. Его настрой всегда трудно было определить.

В конце концов вино сделало свое дело, прогнав робость: теперь они завели оживленную беседу. И тут Матильда решилась задать вопрос, который с самого начала вертелся у нее на языке:

– Вы так и не хотите мне сказать, что делаете в Орсэ?

– ...

– Обещаю вам, что это останется между нами.

– Я уже говорил, что не хочу затрагивать...

– Хорошо, хорошо, я не настаиваю. Но если вы передумаете, я всегда готова вас выслушать.

– ...

Матильда понимала, что ей не следовало поднимать эту тему, но ею двигало не вульгарное любопытство, она просто хотела убедить Антуана в своем дружелюбии, в том, что она готова прийти ему на помощь. Она догадывалась, что

---

<sup>7</sup> *Маттель* (Mattel) – бренд одной из крупнейших американских компаний – производителей игрушек, которая выпускает куклу Барби.

за его решением круто изменить свою жизнь стоит нечто серьезное. В тот момент, когда Антуан сказал, что не хочет это обсуждать, она уловила подавленное рыдание в его дрогнувшем голосе; оно было едва слышно, но казалось, вот-вот прорвется наружу, заглушив слова. Подошел официант: кафе уже закрывалось. Пора было уходить.



Последствия этого вечера оказались по меньшей мере странными: с тех пор они виделись очень редко. Ночная тьма и хмель способствовали духовной близости, которая выглядела невозможной в стенах музея. Матильда не понимала, какую линию поведения следует избрать в отношениях с Антуаном. Теперь она не решалась подходить к нему по утрам. Не знала, можно ли предложить еще одну встречу. Ясно было, что сам он не проявит никакой инициативы. По-видимому, он воспринял ту их эскападу как резкое отклонение от нормы, от своего привычного образа жизни. Да и чего ждать от человека, который на любое приглашение готов ответить, что его мать находится при смерти?!

На самом же деле Антуану очень понравился вечер, проведенный с Матильдой, – более того, их беседа несказанно утешила его. Он впервые вздохнул свободно после всего пережитого. Просто у него не было сил завязывать хоть какие-то новые знакомства. Единственным человеком, с которым он перебросился несколькими словами, был Ален. Но и тот внезапно исчез. Видимо, после ухода жены ему понадобилось сменить обстановку. На его место заступила Лоранс, стройная худощавая женщина с угловатым лицом, словно сошедшая с полотен Модильяни. Неужели здесь нанимали только тех служащих, которые гармонировали с картинами?

Что ж, вполне возможно. Однако в данном случае дело обстояло иначе: Лоранс уже давно работала в музее и просто сменила зал, чем была страшно довольна. Эта импульсивная особа бурно жестикулировала по любому поводу и без повода. Антуан видел, как она то и дело вскакивает с места, чтобы сделать выговор посетителю, слишком близко подошедшему к картине. Сотни раз за день он слышал ее пронзительный голос: «*No flash, please!*»<sup>8</sup> Казалось, эта скромная власть доставляет Лоранс огромное удовольствие, – возможно, тем самым она компенсировала свою убогую жизнь вне музея.

Лоранс, как всех других сотрудников, очень интересовала личность Антуана. Кто он такой, почему никогда не рассказывает о себе, с какой стати вечно ходит с кислой миной? Однако посетители по-прежнему валом валили на выставку, и оба смотрителя главного зала практически не видели друг друга. Люди толпились, толкались, теснились перед полотнами. И вдруг однажды в этой толчее появилась женщина, которая не обращала внимания на картины. Она стояла перед Антуаном и смотрела на него. Обнаружив ее рядом с собой, он не поверил своим глазам.

Это была его сестра, это была Элеонора.

---

<sup>8</sup> «Без вспышки, пожалуйста!» (англ.)

Каждый вечер Матильда с бьющимся сердцем спешила домой, к детям. По пути от музея до дома она предвкушала, как ее маленькая дочка, а следом и сын бросятся к ней в объятия. Потом их няня сообщит ей новости из детского сада дочки и начальной школы сына. Матери слушают рассказы о жизни своих детей, как волшебную сказку. И наконец они останутся вдвоем. С тех пор как дети расстались с отцом, их жизнь обрела новую точку опоры, став куда более уравновешенной. В последние месяцы перед разводом отношения супругов были донельзя напряженными. В семейной жизни бывают такие месяцы мучительных колебаний, когда брак кажется скорее тягостной обязанностью, чем добровольным союзом. Ни муж, ни жена не хотят верить, что конец неизбежен, они внушают себе, что это временный кризис, преходящие трудности, жизнь ведь не может состоять из одних любовных утех – но иногда на нее набегают такая мрачная тень, которую уже невозможно прогнать. Разрыв совершается задолго до того утра, когда люди вынуждены сказать себе: все кончено.

Матильда открыла дверь, и встреча с детьми произошла точно так, как она предвидела. Несколько минут спустя няня ушла, и семейное трио расположилось в кухне, чтобы по-

ужинать. Продукты были закуплены, как обычно, еще в прошлую субботу, оставалось только прикинуть, чем можно разнообразить вечернее меню. Чаще всего Матильда после долгих раздумий варила все те же макароны. Дети препирались друг с другом, всегда по одним и тем же поводам, а их мать пыталась погасить раздражение, вызванное усталостью. Она тешила себя мыслью, что через несколько минут усадит их смотреть мультики. По дороге домой Матильда радовалась, что скоро увидит сына и дочку, но теперь чувствовала себя измученной. В какой-то миг ей вдруг безумно захотелось провести вечер в одиночестве, поужинать перед телевизором, смотря какой-нибудь фильм, а потом лечь и почитать в постели. Пока варились макароны, она присела на диван между детьми, которые упивались сто раз виденным мультиком. Накрыв на стол, Матильда собралась выключить телевизор, но, как и каждый вечер, услышала горестные вопли и, сдавшись, уступила. После долгого рабочего дня у нее не было сил бороться с детьми.

После ужина Матильда проверила уроки сына, приготовила дочке на завтра костюм для танцев. Затем началась нескончаемая перепалка по поводу вечернего мытья. Дети больше не желали принимать ванну вместе – только по очереди, и никак иначе. Но при этом каждый хотел быть первым. Матильда призывала на помощь все свое искусство логики и дипломатии, управляя этим маленьким королевством, где страсти в любой момент грозили перерасти в меж-

дународный конфликт. Наконец с мытьем было покончено, и началась процедура надевания пижам, затем Матильде пришлось почитать детям сказку, заверить их, что «злые волки ушли под елки», и понервничать из-за того, что они никак не засыпали. Добравшись наконец до своей спальни, она упрекнула себя в том, что весь вечер главным образом раздавала приказы и слишком скупно выказывала свою любовь. Она включила телевизор, попала на фильм «Мое сердце биться перестало»<sup>9</sup>, с Роменом Дюри в главной роли, и увидела в этом знак судьбы.

---

<sup>9</sup> «Мое сердце биться перестало» (2005) – фильм французского режиссера Жака Одиара, ремейк американского фильма Джеймса Тобэка «Пальцы» (1978).

Элеонора ходила взад-вперед по тесной комнатке брата, сама не своя от изумления. Как он может ютиться в этой мрачной конуре, в этих убогих стенах, – он, который бросил в Лионе прекрасную трехкомнатную квартиру окнами на Рону?! Конечно, это была только материальная сторона проблемы, но и она ясно говорила о сложившейся ситуации. И все же, несмотря на нервозность, которую трудно было подавить, Элеонора испытывала глубокое облегчение. После многих недель розысков ей наконец удалось найти своего Антуана. И теперь сестра пыталась держать себя в руках, не докучать ему упреками – по крайней мере, сразу. Ей было ясно, что любые наскоки только испортят дело. Для начала следовало разобраться в мотивах Антуана. Ну почему, почему же он все-таки исчез, да еще солгал, выдумав этот дурацкий предлог – написание романа; почему обрек своих близких на страхи и тревожления?! Неужели для того, чтобы забиться в эту крысиную нору?!

Часто подобный душевный надлом удастся предугадать. Мы не удивляемся, когда некоторые мужчины и женщины впадают в подавленное состояние, обычно именуемое депрессией: этой болезни предшествовали определенные симптомы. Но, как правило, такие люди теряют почву под ногами постепенно. А в случае с Антуаном дело обстояло

совсем иначе. Ничто в его жизни не предвещало такого срыва. Сестра всегда считала его жизнерадостным и веселым. Конечно, и он временами уходил в себя, терзался сомнениями<sup>10</sup>, но в целом это был душевно здоровый человек, на него можно было положиться. Неужели все эти годы он скрывал свою подлинную натуру? Элеонора винила себя в том, что ничего не заметила, не заподозрила. «Никто никого по-настоящему не знает», – сказала одна из подруг, желая ее утешить.

В глубине души Элеонора отчасти понимала Антуана. Ведь и она порой в приступе гнева испытывала желание сбросить с себя и тяготы семейной жизни, и бремя работы. В такие моменты все начинало казаться бессмысленным, безнадежным. И пока это безумие не проходило, хотелось вырваться, сбежать куда-нибудь подальше, ощутить вкус свободы. Потом буря стихала, и оказывалось, что можно преспокойно жить дальше.

Антуан сидел молча, понурясь, как провинившийся ребенок. Ему было стыдно за то, что он причинил сестре столько волнений. Когда-нибудь, думал он, она его поймет. Но сейчас его сковывало молчание. Слова, звучавшие внутри, были бессильны претвориться в связную речь. По прошествии часа Элеонора, уже слегка успокоившись, присела рядом с ним, на краешек кровати:

---

<sup>10</sup> В семье его называли артистической натурой.

– Антуан, ты должен мне объяснить...

– Я пытался. Много раз хотел тебе позвонить, но... не смог.

– Неужели это из-за Луизы?

– Нет.

– Послушай, ты можешь говорить со мной вполне откровенно. Я знаю: когда вы разошлись, ты держался очень мужественно. Ты же мне сказал, что вы расстались по обоюдному согласию, хотя... хотя я в это не верю... и потом...

– Что «потом»?

– Да нет, ничего.

– Ты хотела сказать, что она встретила другого? Мне это известно. И я рад за нее.

– Тогда скажи, что случилось? Я тебя пойму.

– Знаю, что поймешь. Мне стыдно, что я вот так сбежал от вас. Но я не мог поступить иначе, поверь мне... И поверь, что я все рассказал бы тебе, если бы мог.

– Господи, да что же произошло? Если это не из-за Луизы, то из-за чего?

– ...

Антуан встал и подошел к окну, отвернувшись от сестры. Он безуспешно пытался справиться с захлестнувшим его волнением. Почему он сбежал? Да именно потому, что боялся расспросов, не желал отвечать на них. Но, с другой стороны, он понимал сестру. Он и сам действовал бы точно так же, если бы она исчезла неожиданно, без всяких объяснений.



Антуан надеялся, что время и расстояние помогут ему залечить душевную рану. Увы, его все еще терзала боль воспоминаний о случившемся. Слезы текли беззвучно, но Элеоноре казалось, что она слышит его рыдания. И она поняла, что брат не заговорит – по крайней мере, сейчас. Слава богу, он здесь, рядом с ней, живой и невредимый, и это самое главное.

Она предложила ему сходить куда-нибудь поужинать. Они вошли в тайландский ресторанчик, находившийся в этом же доме, на первом этаже. В оформлении зала царил махровый китч, но это, как ни странно, помогало разогнать гнетущее настроение момента. Элеонора заговорила о своей дочке, о перипетиях их домашней жизни. И Антуан вдруг задумался: не усугубило ли его депрессию бегство из Лиона? Ведь тем самым он лишил себя всего, что доставляло ему столько радостей, – например, общения с любимой племянницей. Уехав тайком, как преступник, он отрезал все пути возврата к счастью.

Помолчав, он спросил:

– А как же ты меня разыскала?

– Да почти случайно. Тебе прекрасно удалось вычеркнуть нас из своей жизни. Невозможно было узнать, где ты и что ты, – ни телефона, ни адреса, ни подписки на газеты. Я уж не знала, что и думать. Даже вообразила, что ты, может быть, разведчик и тебе грозит какая-то опасность. Но потом решила, что это все-таки маловероятно.

— ...

— Я опросила всех твоих друзей, хотела узнать, как ты был настроен в последние месяцы. Все они считали твою историю с написанием романа чистейшей выдумкой.

— ...

— Ну и конечно, я позвонила Луизе.

— И что же она тебе сказала?

— Да ничего определенного. Что ваши последние объяснения проходили вполне мирно, но что она чувствовала в твоём голосе печаль.

— Это естественно, мы ведь прожили вместе целых семь лет. Делили и горе и радости. После этого разговаривать о пустяках всегда немного грустно. Она тоже выглядела подавленной при встречах.

— Ну еще бы...

— Я повторяю: у нас с ней вполне нормальные отношения. Ну, разошлись, и все тут, ничего страшного.

— А я продолжаю думать, что ты скрывал в тот момент свое горе.

— Я просто не хотел вам докучать. Такой разрыв — это же банально до ужаса. Тут и говорить не о чем. И давай больше не будем поминать Луизу, хорошо?

— Ладно, не будем.

— Так как же все-таки ты меня нашла?

— Я набрала твое имя в поисковой строке. Надеюсь, что, если кто-нибудь упомянет о тебе в интернете, я это узнаю. И

каждое утро прочесывала соцсети – проверяла, не появился ли ты где-нибудь. И мне повезло!

– Неужели?!

– Один из твоих студентов заметил тебя в Орсэ и узнал. Он разместил в «Твиттере» фото, где ты сидишь на стульчике в зале, и коммент к нему: «Какое падение! Господин Антуан Дюри, мой бывший преподаватель в Академии художеств, стал музейным зрителем!»

– ...

– Ну и как только я это увидела, так сразу и приехала, чтобы проверить.

– А кто он – этот студент?

– Уже и не помню, – кажется, его зовут Уго. Да какая разница?! Главное, я тебя нашла.

– С ума сойти...

– Что ты имеешь в виду?

– Человеку уже негде скрыться, всегда найдется какой-нибудь тип, который раззвонит на весь свет, кто вы и где находитесь. Тебя это не пугает?

– Да бог с ним, с этим Уго! Спасибо на том, что известил меня: благодаря ему я и сижу тут, рядом с тобой. И могу наконец спокойно вздохнуть. Знаешь, сначала я жутко сердилась на тебя за то, что ты вот так исчез, но сегодня вечером я счастлива.

– Я тоже...

– Так когда ты намерен вернуться? Не вечно же тебе про-

зябать здесь. Возвращайся, поселишься у меня, я буду за тобой ухаживать...

Антуан опустил ладони на руку сестры. Он и сам не знал, сколько времени собирается вести такой образ жизни, но впервые со дня своего побега сказал себе, что должен вернуться к прежнему существованию.

На следующий день Элеонора уехала в Лион, взяв с брата клятву регулярно сообщать о себе. Он обещал, но в ответ заставил ее дать слово, что она никому не расскажет, где он находится. Два дня спустя он исполнил свое обещание, вставив сим-карту в мобильник и прислав ей успокаивающее письмо. Внешний мир постепенно принимал реальные очертания в глазах Антуана. Приезд сестры, ее твердая и вместе с тем благожелательная позиция заставили его осознать всю тяжесть своего поступка, и он решил, что скоро для него начнется новый жизненный этап.

Включив телефон, он увидел лавину посланий, и среди них мелькнуло имя Луизы: «Антуан, говорят, ты куда-то уехал. Мы все волнуемся. Сообщи нам что-нибудь о себе, пожалуйста. Сообщи МНЕ о себе». Элеонора рассказала Луизе об исчезновении брата в надежде, что та сможет заставить его как-то отреагировать. Но она ошиблась. Письмо Луизы, как и остальные пятьдесят три послания, осталось без ответа. Антуан подумал: не исключено, что Луиза сочла себя виновницей моего отъезда. Наверно, так и говорила себе время от времени: «Он уехал из-за меня». С другой стороны, откуда ему знать, что она думала? Ничего-то он не знал. И не знал уже очень давно. В последние несколько месяцев их совместная жизнь была чередой недопониманий, словно

между ними встала завеса тумана. Антуан не заметил, когда и отчего она возникла, эта завеса, – наверно, он слишком долго жил в счастливом ослеплении первых лет их любви. Какими же далекими они теперь виделись ему!

Перед его мысленным взором промелькнули беглые воспоминания о том времени. Времени любви и времени нелюбви. Это казалось каким-то жутким абсурдом: все, что они пережили вместе, съежилось, подобно шагреновой коже, сошло на нет. Он вспомнил их поездку в Париж, когда они вместе побывали в музее Орсэ. Наверно, какой-нибудь тогдашний смотритель заметил парочку, которая бродила, держась за руки, по тому самому залу, где Антуан просиживал теперь целыми днями. В те дни они были молоды, красивы, неотразимы и, как все влюбленные, абсолютно уверены, что это счастье – навечно.

Приятное воспоминание о встрече не потускнело; достаточно было вспомнить тот момент, когда Матильда и Антуан после закрытия музея любовались портретом «Мод». Во время своих рабочих перерывов он иногда возвращался к этой фотографии, и не столько из-за ее художественных достоинств, сколько из желания снова испытать сладость минут, проведенных здесь вместе с Матильдой. Это было нечто вроде сентиментального путешествия – таким образом он мысленно сближался с Матильдой. Человек любит то, что любят те, кого он любит. Он жалел, что им больше не удастся поговорить по душам. Почему она не приходит? Неужели стесняется? Вполне возможно. Тем вечером он понял из некоторых ее признаний, что они оба, пусть и по-разному, выздоравливают после любовного крушения. Ему часто хотелось прийти к ней в кабинет, но под каким предлогом? Что он мог ей сказать? Попросить прибавки к жалованью? Он вполне серьезно рассматривал такой вариант. Абсурд – верный спутник желания.

Антуан по-прежнему сидел напротив портрета Жанны Эбютерн. Иногда он позволял себе молча говорить с ней, с этой своей тайной confidentкой среди толпы. Да еще какой толпы, – казалось, сюда нахлынули люди со всего све-

та, жаждущие увидеть эту выставку. Тысячи лиц мелькали у него перед глазами, дни сливались в одну сплошную череду, а Фабьен Фрасье снова и снова приходил рассказывать своим группам о картинах. После их стычки Антуан старался не попадаться ему на глаза. Он и так был почти незаметен в своем скромном обличье, но, завидев гида, еще больше съеживался на стуле в уголке зала.

Однако это не мешало Антуану слушать экскурсии Фабьена, всегда прискорбно одинаковые, почти слово в слово. Гид монотонно, как автомат, излагал биографию художника, что, в общем-то, было вполне нормально: ведь нельзя же измышлять новые факты, лишь бы придать стандартному описанию побольше пикантности. И все-таки, слушая Фрасье, Антуан чувствовал в нем равнодушие, в котором никогда не мог бы упрекнуть себя: долгие годы он читал один и тот же курс лекций, но никогда не делал это автоматически. Атмосфера на его занятиях менялась в зависимости от состава студентов, от обстановки. Так хорошие актеры много лет подряд играют одну и ту же пьесу, но в каждый спектакль вносят какую-нибудь свежую краску.

Фабьен Фрасье несомненно любил свою работу, но в нем чувствовалось скрытое самодовольство, внушенное уверенностью в собственной эрудиции. Он держался так, словно только накануне ужина с Модильяни, и теперь рассуждал о нем с непомерным апломбом знатока. Тогда как Антуан, защитивший диссертацию об этом художнике, считал его



очень сложной, трудноопределимой личностью. Это был человек, страстно желавший успеха, но притом необыкновенно капризный и непостоянный, часто действовавший вопреки собственным интересам. «Бывают судьбы, написанные как бы на погибель их владельцам, – так думал Антуан о Модильяни. – Его темная сила смешивалась с ослепительной мечтой о свете». Поэтому о нем нельзя было говорить дежурными словами, не прибегая к нюансам. Разумеется, Фрасье выступал не перед тонкими знатоками живописи – работа гида ограничивалась упрощенным рассказом о жизни гения, без анализа сложных сторон его творчества.

В то утро Антуан внезапно встал и подошел к группе Фабьена. Гид стоял к нему спиной и не видел дерзкого смотрящего. Он уже пустился в длинные объяснения живописной техники Модильяни, как вдруг услышал сзади чей-то голос:

– Прошу меня извинить...

– ...

Фабьен обернулся и в ужасе замер. Нет... не может быть... неужели этот тип снова посмеет?..

Но Антуан посмел.

– Я позволил себе прослушать ваши последние разъяснения и хотел бы добавить к ним одну подробность, которую считаю очень важной и необыкновенно трогательной. После смерти любимого мужа его вдова Жанна Эбютерн...

И Фабьену, с трудом скрывавшему холодную ярость, при-

шлось еще раз выслушать историю о пряди волос, возложенной на грудь покойного Модильяни. Гид был вне себя: этот психопат снова посмел прервать его экскурсию! А ведь он, Фабьен, согласился простить его первую выходку только по просьбе Матильды. Но теперь все стало ясно: это не внезапный порыв и не глупая бестактность, а сознательный, злонамеренный акт.

Тем временем Антуан, стоя среди его группы, продолжал разглагольствовать. «Что делать? – лихорадочно размышлял Фабьен. – Врезать ему по физиономии? Нет-нет, спокойствие, главное – спокойствие... Вспыльчивость повредит моей репутации и репутации музея... но как оставаться спокойным рядом с этим психом?!» И Фабьен, собрав все свое самообладание, которым сам возгордился, с широкой улыбкой прервал монолог Антуана:

– Ну что ж, большое вам спасибо за эти уточнения. Дамы и господа, теперь давайте пройдем в соседний зал. А вы, наверно, не можете оставить свой пост?

– Нет, не могу, – признал Антуан.

Группа потянулась за Фабьеном. Одна из посетительниц шепнула ему:

– Какой он очаровательный, этот смотритель! И эрудированный!

– О да, мы просто счастливы, что он у нас работает, – ответил Фабьен, метнув последний злобный взгляд на соперника.

Часом позже Антуана вызвали в кабинет начальницы отдела кадров. Он шел по длинному коридору, обуреваемый страхом. Но страхом не перед тем, что скажет ему Матильда, – он попросту боялся снова увидеться с ней. А Матильду этот новый инцидент поразил до глубины души. Почему Антуан так поступил? Она ведь встала на его защиту, и он это знал. И теперь уже под угрозой оказалась не его, а ее репутация. Ее, несомненно, упрекнут в том, что она взяла на работу помешанного. Хуже того, заступилась за него после первого тревожного сигнала.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.